

**ДИНАМИКА ОБНОВЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ИСТОЧНИКИ И СПОСОБЫ
ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ**

Султанова Зулхумор Сабатуллаевна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Ихтиёрова Ирода

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. В статье исследуются ключевые механизмы и векторы обновления лексической системы современного русского языка в начале XXI века. Рассматриваются внешние и внутренние факторы языковой динамики, анализируется роль заимствований и семантической деривации в формировании нового вербального ландшафта. Особое внимание уделяется влиянию цифровых коммуникаций на словообразовательные процессы.

Ключевые слова: неологизмы, динамика языка, заимствования, деривация, медиадискурс, семантический сдвиг.

Abstract. The article examines the key mechanisms and vectors of the modern Russian lexical system update at the beginning of the 21st century. External and internal factors of language dynamics are considered; the role of borrowings and semantic derivation in the formation of a new verbal landscape is analyzed. Special attention is paid to the influence of digital communications on word-formation processes.

Keywords: neologisms, language dynamics, borrowings, derivation, media discourse, semantic shift.

Современный русский язык находится в состоянии «лингвистического кипения», что обусловлено беспрецедентной скоростью социальных и технологических трансформаций. Язык, будучи живой системой, не просто фиксирует изменения в реальности, но и активно адаптирует свой инструментарий для описания новых феноменов. Основным вектором этой динамики выступает стремление к номинативной полноте — необходимости дать имя каждому новому гаджету, социальной практике или культурному тренду. В эпоху глобализации лексический состав перестает быть замкнутым пространством, превращаясь в открытую платформу для межкультурного обмена.

Одним из наиболее заметных источников пополнения словаря остается иноязычное заимствование. Однако, если в петровскую эпоху превалировала немецкая и голландская терминология, а в XIX веке — французская, то сегодня мы наблюдаем тотальную англизацию. Как отмечают исследователи, этот процесс не является механическим копированием. В своей работе М. А. Кронгауз указывает на то, что русский язык сегодня переживает «период беспокойства», когда заимствованное слово проходит стремительный путь от экзотизма до полноправного члена лексической системы [1, с. 42]. Автор художественно описывает этот процесс как своего рода «инвазию смыслов», где англицизмы не просто заменяют русские аналоги, а создают новые смысловые оттенки, которые ранее не имели вербального выражения. Например, слово «дедлайн» воспринимается острее, чем «крайний срок», привнося в контекст психологическое давление и технологическую неизбежность. Критики языковых изменений часто бьют тревогу, опасаясь утраты самобытности и засорения речи «мусорными» словами. Однако глубокий лингвистический анализ показывает, что язык обладает мощными защитными механизмами. Заимствование — это признак не слабости, а жизнеспособности языка, его готовности к интеграции в мировое

информационное пространство. Он аргументирует это тем, что большинство новых слов подвергаются морфологической адаптации: они получают русские окончания, включаются в систему склонений и становятся базой для производства исконно русских по форме производных. Так, английский корень в слове «загуглить» обростает русскими аффиксами, полностью подчиняясь законам отечественной грамматики.

Важным аспектом является также изменение сферы бытования неологизмов. Если раньше новые слова рождались преимущественно в недрах академической среды или узких профессиональных сообществ, то сегодня основным «инкубатором» лексем стали социальные сети и медиадискурс. Здесь происходит тотальная демократизация языка. Как образно выразился один из современных публицистов, анализируя состояние речи, мы наблюдаем «карнавализацию» словаря, где высокая лексика соседствует с жаргонизмами, образуя причудливые гибриды. Это пространство, где норма становится подвижной, а языковая игра превращается в основной способ коммуникации. Слово перестает быть статичным объектом и становится инструментом мгновенной реакции на событие.

Процесс заимствования тесно связан с понятием социального престижа. Использование англицизмов в бизнес-среде или сфере высоких технологий часто диктуется не отсутствием русских эквивалентов, а желанием продемонстрировать принадлежность к глобальному интеллектуальному сообществу. В этом контексте неологизмы выполняют не только номинативную, но и социально-маркирующую функцию. Слово становится своего рода интеллектуальным паролем, отделяющим «своих» от «чужих» в рамках определенной субкультуры. При этом происходит любопытный процесс: иноязычное слово зачастую сужает свое значение в русском языке, становясь более специализированным термином, чем в языке-источнике. Внешние источники неологизации не просто количественно пополняют

словарь, но и меняют качественные характеристики общения. Язык подстраивается под ритм «клипового сознания», требующего краткости и максимальной смысловой насыщенности. Этот поток заимствований служит зеркалом, в котором отражается современное состояние общества — его открытость, технологичность и определенная зависимость от глобальных информационных трендов. Однако подлинная сила русского языка проявляется в том, как он перерабатывает этот «сырой материал», готовя почву для включения внутренних ресурсов деривации, о которых пойдет речь далее.

Вторая значительная составляющая динамики русского языка — это активация его глубоких внутренних ресурсов. Когда внешних заимствований становится избыточно много или они кажутся слишком чужеродными для повседневного общения, в дело вступают исконные способы словообразования. В последние десятилетия мы наблюдаем настоящий ренессанс суффиксальных и префиксальных моделей, которые долгое время находились на периферии литературной нормы, но теперь стали ее движущей силой. Е. А. Земская в своих фундаментальных исследованиях разговорной речи отмечала, что русский язык обладает уникальной способностью к «сжатию» смыслов [3, с. 115]. В современной практике это ярче всего проявляется в создании универбатов — экспрессивных слов, заменяющих громоздкие словосочетания. Примеры вроде «запрещёнка» (товары, попавшие под санкции) или «удалёнка» (дистанционный формат работы) демонстрируют триумф языковой экономии. В этих словах живет дух живого общения: зачем использовать целую синтаксическую конструкцию, когда одно слово, снабженное узнаваемым суффиксом, справляется с задачей гораздо эффективнее? Такие образования придают речи особую доверительность, превращая сухой официальный термин в «домашнее», эмоционально окрашенное понятие.

Особое место в современной системе неологизмов занимают семантические дериваты — старые, давно знакомые слова, получившие принципиально новые значения в цифровую эпоху. Классический пример — слово «облако» в контексте распределенного хранения данных или «мышь» как компьютерный манипулятор. Здесь мы видим работу мощного метафорического мышления. Как замечает Н. С. Валгина, современный человек подсознательно стремится опредмечивать абстрактные виртуальные процессы через привычные бытовые образы [4, с. 210]. Это позволяет снизить психологический барьер перед новыми технологиями и сделать цифровую реальность более уютной. Критики, анализирующие этот процесс, указывают на то, что семантическая деривация — это самый экологичный путь обновления языка, так как он не перегружает память новыми фонетическими оболочками, а просто расширяет функционал уже имеющегося лексического фонда. Еще одним мощным источником креативности является словосложение и создание так называемых «слов-кентавров». Это гибридные образования, в которых соединяются части разных лексем, часто — иностранного и русского происхождения. Конструкции вроде «автоледи», «шоп-тур» или «экоактивист» демонстрируют стремление современного носителя языка к компактности и емкости высказывания. Подобные структуры отражают мозаичность нашего сознания, привыкшего к быстрому монтажу и резким переходам. Он сравнивал современный язык с динамичным коллажем, где из осколков разных лингвистических культур собирается новая, актуальная картина мира.

Нельзя игнорировать и возрастающую роль окказионализмов — авторских неологизмов, созданных «на случай» (лат. Occasio). В эпоху блогосферы и мессенджеров каждый пользователь потенциально становится творцом языка. Если раньше авторское словотворчество было прерогативой выдающихся поэтов и писателей, то сегодня яркое, меткое слово, запущенное

в социальные сети, может за считанные часы стать вирусным и войти в активный оборот миллионов людей. Это создает ситуацию постоянной конкуренции слов за право на существование в лексиконе. Обновление лексики современного русского языка — это сложный, многоуровневый процесс самоорганизации. Он подпитывается как извне, через глобализацию и заимствования, так и изнутри, через переосмысление традиционных форм и активацию старых словообразовательных моделей. Язык не портится и не деградирует — он пересобирает себя, адаптируясь к требованиям новой информационной реальности. Мы являемся свидетелями того, как язык превращается из жесткой, застывшей структуры в гибкий, интуитивно понятный интерфейс взаимодействия между человеком и стремительно меняющимся миром.

Список использованной литературы:

1. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 232 с.
2. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 884 с.
3. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Флинта, 2011. — 328 с.
4. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003. — 304 с.
5. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — СПб.: Златоуст, 1999. — 320 с.
6. Гусейнов Г. Ч. Заметки к антропологии русского интернета: язык и литература сетевых сообществ. — М.: Новое литературное обозрение, 2003. — 272 с.